

НИКИТИН

В историю русской литературы И. С. Никитин вошел как яркий самобытный поэт. Писать стихи Никитин начал в семинарии, где прослыл поэтом. Он отличался большой любовью к чтению, которая сблизила его с И. И. Дураковым, молодым человеком, первым слушателем и ценителем литературных начинаний Ивана Саввича. Здесь уместно заметить, что И. И. Дураков умер в 1856 году от чахотки. Понятно, что заразная форма болезни должна была развиться у него ранее 1856 года. Эти сведения позволяют утверждать, что у Никитина был контакт больным туберкулезом не позднее 1855— 1856 гг., а более вероятно, что и ранее. Во всяком случае, в письме А. Н. Майкову 25 марта 1856 г., где он сетует на тяжелые условия своего трудного быта «...среди грязи обыденной жизни, при говоре и плохой брани извозчиков, при покупке и продаже овса и сена», имеются сведения о том, что, слагая стихи, он работает столько, сколько позволяют ему досуг и здоровье. Более подробных сведений о причине и характере нездоровья в письме не содержится. Однако следует сослаться на стихотворение И. С. Никитина, написанное в августе 1855 года. В стихотворении «Лес (После выздоровления)», в котором поэт приветствует своего «кудрявого знаконца», имеется некоторая медицинская информация. Во-первых, уточненное название стиха — «После выздоровления». Во-вторых, следует обратить внимание на строки:

Как жажда я, измученный тоскою,
В недуге медленно сгорая, как в огне,
Твоей прохладою упиться в тишине
И на траву прилечь горячей головою!
Бог весть, что впереди!
Теперь полубольной,
Я вновь под сень твою,
Лес сумрачный, вступаю.

В стихотворении, написанном «после выздоровления», говорится о пережитом недуге, о том, как поэт «сгорая как в огне», жаждал во время болезни упиться «прохладою» леса, «горячей головою прилечь на траву». Невольно приходит мысль о том, что проявлением перенесенного недуга были лихорадка, ощущение жара. Понятно, что такое заключение следует делать с известной осторожностью, но нельзя отказаться от ощущения, что поэт выразил в стихах то, что было им пережито в действительности. Целенаправленный поиск «недостающей информации» увенчался успехом. В биографии поэта, написанной М. Ф. Де-Пуле, мы нашли заметки Н. И. Второва, относящиеся к весне 1855 года: «13 апреля (1855 г. — ред.).. . бродя по берегу реки, мы (с И.С. Никитиным — ред.) любовались ее гладкой поверхностью... Я, отчаянный гидропад, соблазнился, не выдержал и стал купаться. Примеру моему... последовал и Никитин. Последствием этого купания была болезнь, продлившаяся все лето. Сначала с ним сделалась горячка и дело было очень плохо... П.И. Савостьянов предложил ему тогда переселиться на время в свое имение (Сухие Гаи) в надежде, что свежий воздух поправит лучше его здоровье, чем лекарства». Итак,

И.С.Никитин проболел все лето. Но и в августе, судя по стихотворению, считал себя полубольным. В примечании к письму Никитина к Н.И. Второву от 23 июля 1855 года из Сухих Гаев указано, что здоровье поэта улучшилось только к октябрю 1855 года. Таким образом, «простудное заболевание» затянулось на 5—6 месяцев.

Сопоставляя приведенные сведения (с учетом тесного контакта с больным другом, умершим от чахотки в 1856 году), можно с большой вероятностью полагать, что «грудная болезнь» Никитина началась не позже 1855 года. В течение 1856 года заболевание относительно медленно прогрессировало, с лета 1857 года в письмах встречались указания на боли в груди, а в 1858 году впервые появляются указания на одышку. Так, в письме Н. И. Второву 27 июня 1858 года Никитин сообщает, что уже более месяца живет на даче, хотя «дождь идет ежедневно; выйти со двора нет возможности» и добавляет: «...хотя я и задыхаюсь, а все еще жив». С осени 1858 года в письмах фигурируют худоба и общая слабость при продолжающихся болях в груди. Из писем Н.И. Второву 19 сентября, 6 и 27 октября: «Пью капли... все бесплодно, сделался настоящим скелетом... В ноябре 1858 года отмечается очередное затяжное ухудшение здоровья. Из письма Н. И. Второву 21 ноября: «Я, по совету доктора, не выхожу из комнаты». Ему же 20 и 27 февраля 1859 года: «Лежу в постели и чувствую, что у меня слишком мало сил для того, чтобы писать... едва-едва могу творить: так и захватывает дыхание».

К этим симптомам следует добавить сведения из письма И. А. Придорогина (близкого друга поэта) Н.И. Второву от 20 февраля 1859 года, котором он сообщает, что у Саввича «...болезнь груди, бока и кашель».

Резкая общая слабость сохраняется в течение марта-мая 1859 года. И. А. Придорогин 11 июня 1859 года писал Н. И. Второву: «Он

(Никитин — ред.) тает и догорает, как свеча, не замечая того сам. Доктора говорят, что у него чахотка... Следует заметить, что для больных чахоткой характерна предутренняя (предрассветная) повышенная потливость, которую сопровождает резкая слабость. Ему же 6 июля 1859 года: «...счастлив, если проходят две недели без появления слизей, как следствия воспаления кишечного канала... Я похож на скелет, обтянутый кожей».

Хронический легочный процесс, проявлением которого стала одышка, обусловил перегрузку правого сердца вследствие повышения давления в малом круге кровообращения. Кроме того, можно думать о спутогенном поражении кишечника (систематическое заглатывание инфицированной БК мокроты), которое особенно часто отмечалось в доантибактериальную эру. Следует подчеркнуть, что туберкулез кишечника не имеет специфических симптомов.

Несколько нарушая хронику событий, отметим: в письме, отправленном через неделю после похорон поэта (25 октября 1861 года), А. Д. Перелешин сообщает Н. И. Второву, что смерть «последовала от двух чахоток - легочной и кишечной» («Современник», 1912, 5). По-видимому, таким было коллективное мнение лечащих врачей.

Нелестные высказывания в адрес медицины следует признать вдвойне справедливыми. Во-первых, врачи в то время не имели возможности существенно повлиять на развившуюся очередную вспышку туберкулеза, во-вторых, растирание грудной клетки при «нестерпимых болях в боку» не только нецелесообразны, но вредны. Боли в груди были обусловлены вовлечением в воспалительный процесс плевры. В остром периоде растирание грудной клетки противопоказано, ибо оно не купирует, а усиливает воспаление плевральных листков.

Судя по дальнейшим письмам, некоторое затихание вспышки началось лишь к концу ноября. Из письма Н. И. Второву 7 декабря 1859 года: «Здоровье мое поправляется; я выхожу теперь из комнаты, хотя весь увязанный и укутанный; остается кашель и постоянная, не утихающая ни на минуту, боль в боку».

5 мая 1861 года в письме Н.А.Матвеевой он сообщает: «...встречая первый день мая за городом, в саду в одном знакомом мне семействе, я пил на открытом воздухе чай, бродил по саду до позднего вечера и получил воспаление дыхательных органов... рука дрожит у меня от слабости, и грудь дышит неровно».

В декабре 1861 года написаны следующие строки:

...А дочь больна,

Уж кровью харкает она.

Не кашляй! Тише! Кровь польется!»

(«Портной»)

И каплями кровь из груди вытекает»

Трио медицины (Трое воронежских врачей — ред.) в продолжение двух недель ежедневно собиралось к больному. Кровохаркание остановили, консилиумы прекратились». Сведения о кровохаркании имеются и в упомянутой книге биографа М. Ф. Де-Пуле, который пишет, что в декабре 1860 года, «когда Никитин докончил «Дневник семинариста», у него показалась горлом кровь».

Таким образом, действительно, в стихах и повести И. С. Никитина нашли отраженные лично пережитые ощущения больного чахоткой.

Работая над «историями болезни» многих писателей и поэтов, умерших от туберкулеза, мы убедились в том, что биографы и литературные критики довольно часто, не имея никакой профессиональной подготовки, берутся безапелляционно интерпретировать те или иные клинические проявления туберкулеза. В этом плане М.Ф. Де-Пуле уже «провинился» однажды (БЦЖ № 9) утверждая, что вдова В.Г. Лебедева, заразив А. В. Кольцова «любострастной болезнью, свела поэта в могилу». Нелепо утверждение биографа и о «воспалении печени», развившемся вследствие простуды у И. С. Никитина. Боли в области печени (правильнее назвать их болями в области правой реберной дуги) — не что иное, как проявление очередной вспышки туберкулеза легких с вовлечением в процесс диафрагмальной плевры. При этом боли иррадируют вниз.

С конца июля врачи оценивали состояние И. С. Никитина как безнадежное. Его беспокоили изнурительный пот и понос.

3 сентября поэт приобщился Святых Тайн. По утверждению М.Ф. Де-Пуле, он «весь иссох, лицо и голова с кулак... Последняя, читаемая им книга — Евангелие... Его глаза были большей частью закрыты; пылающие уста горели чахоточным пламенем». Умирал в сознании. Смерть наступила 16 октября, в половине пятого часа пополудни.

Вырыта заступом яма глубокая.

Жизнь невеселая, жизнь одинока,

Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,

Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, -

Горько она, моя бедная, шла
И, как стеной огонек, замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землёю придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нём никому не нужна!

.....

Декабрь 1860г.

Известно, что туберкулез — проблема прежде всего социальная. Это понимал и Иван Саввич Никитин, ибо не случайно почти полтора века назад написал:

Закоптелые полати,
Чёрствый хлеб, вода,
Кашель пряжи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!

Социальная направленность этих стихов очевидна: Нужда и кашель (чахотка) всегда были рядом. Прошло 150 лет. И что же? В России все та же нужда! Подавляющее большинство россиян перебиваются, как и прежде, «с хлеба на квас». По уровню заболеваемости туберкулезом обворованного, обнищавшего населения Россия вступает в XX век в числе самых неблагополучных стран мира.